

Глава 16. Неравное обращение

Как умывается лягушка?

Занеся Сяо Люй в ванную и усадив на раковину, Нань Чжэн задумался — и крепко. Задача оказалась непростой.

Сяо Люй и не думал смотреть, что там затеял его А-ма. Прямо напротив раковины висело зеркало — чистое, отполированное до блеска, — и оно с готовностью отразило маленькую зелёную фигурку во всех подробностях. Зрелище увлекло лягушонка. Он осторожно вытянул лапку и аккуратно прижал её к зеркальной поверхности.

— Ква~

Когда лапка отлипла, на стекле остался чёткий отпечаток. Сяо Люй уставился на него — и смущённо убрал лапу. Покосился на стоявшего сзади человека.

Нань Чжэн тоже увидел, но промолчал. Без осуждения открутил кран, зачерпнул воды ладонью.

— Закрой глаза.

Гуа-цзай послушно зажмурился. По лицу разлился приятный холодок — А-ма умывал его. Осознав это, лягушонок принял самый примерный вид: сел ровненько, запрокинул мордочку, не шевелился. Нань Чжэн, глядя на него, невольно растянул губы в улыбке.

Кожа под пальцами оказалась не склизкой, как можно было ожидать, а гладкой и нежной. Он невольно стал ещё осторожнее.

Начав с мордочки, Нань Чжэн незаметно для себя продвинулся дальше — вода успела намочить Гуа-цзая в нескольких местах, потом ещё в нескольких, а потом рука сама потянулась от макушки вниз. В итоге он набрал в раковину воды побольше и выкупал лягушонка целиком — от кончика носа до задних лапок.

Вытащил его двумя пальцами, завернул в бумажное полотенце и промокнул насухо.

Щёки у Гуа-цзая раздулись. Не от обиды — от смущения.

А-ма его выкупал! Сяо Люй был одновременно потрясён, обрадован и ужасно застеснялся. Правда, краснеть ему было особо негде — всё тело зелёное, кроме белого брюшка, — вот щёки и раздулись сами собой.

Нань Чжэн заметил это и, не удержавшись, ткнул пальцем в одну пухлую щёчку, потом в другую. Сяо Люй вскинул на него огромные влажно поблёскивающие глаза.

— А-ма...

Уголок рта дёрнулся.

—...Сяо Гуа, я не А-ма.

Глаза лягушонка распахнулись ещё шире. Он на секунду задумался — и легко переключился.

— Хозяин!

Бах.

Нань Чжэн не удержал что-то с раковины — оно упало.

Мужчина смотрел на лягушонка, который сидел с видом образцово-послушного существа и, кажется, ждал похвалы. Подумал. Покачал головой. Подобрал Гуа-цзая двумя пальцами и переложил на ладонь.

— Зови как хочешь.

— А-ма~ — немедленно отозвался лягушонок.

— Открой рот.

Сяо Люй распахнул пасть как можно шире.

Нань Чжэн оглядел розовую бездну, протёр её влажным полотенцем и строго сказал:

— Сяо Гуа, запомни: нельзя кусать что попало.

Гуа-цзай захлопал глазами. Он только что слышал это. Совсем недавно. Зачем повторять?

— Сяо Люй ничего не кусал.

— Целоваться тоже нельзя, — уточнил Нань Чжэн, вспомнив Мэймэя.

Это было новостью. Но Гуа-цзай кивнул с самым серьёзным видом.

— Ква. Понял.

— Хорошо.

Уже собравшись выйти, Нань Чжэн вдруг остановился. Пошарил на полке, достал нераспечатанную баночку крема для лица, отвернул крышку, нанёс немного на ладонь, растёр — и принялся аккуратно обрабатывать лягушонка со всех сторон.

— Сяо Люй, как от тебя хорошо пахнет~

Едва они появились в комнате, Мэймэй тут же потянулся навстречу — не сам, конечно: улитка по-прежнему сидела на прикроватной тумбочке, и это Нань Чжэн поднёс к ней лягушонка. Сяо Люй просиял и тут же подхватил Мэймэя вместе с раковиной в объятия. Целовать, впрочем, не стал — похоже, слова А-мы всё же осели в голове.

— Мэймэй, ты меня искал?

— Ну да. Ты же написал мне письмо.

— Ага, — кивнул Гуа-цзай. Он вспомнил: появление Ариэтти, странные перемены в лесу — всё это заставило его написать Мэймэю с расспросами.

Нань Чжэн молча наблюдал, как лягушонок разговаривает сам с собой — со стороны выглядело именно так. Он перевёл взгляд на улитку, чьи усики-рожки непрерывно подрагивали, и вспомнил: когда та обращалась к нему, она касалась его рожками, и слова возникали не в ушах, а прямо в голове.

— Вот как... — протянул Сяо Люй с лёгкой грустинкой.

— Сяо Гуа, о чём вы?

Лягушонок не думал ничего скрывать. Он повернулся к А-ма и выложил всё — без утайки, до последнего слова. В конце поглядел на Нань Чжэна с нескрываемым беспокойством.

— А-ма, Мэймэй говорит, в лесу появилось кое-что странное.

В последнее время Гуа-цзай действительно не ходил туда на прогулки — что-то было не так.

Зато в мире А-мы ему нравилось всё больше.

Нань Чжэн слегка приподнял бровь.

— Странное? Например, та маленькая девочка?

Первой на ум пришла Ариэтти — она появилась слишком внезапно и совсем не походила на таких «друзей», как Мэймэй.

— Да. Она говорит, что упала сюда через дупло в дереве у себя дома.

Сяо Люй был не так прост — успел всё разузнать.

На прикроватной тумбочке стояло блюдо с несколькими кусочками пирожного — Сяо Люй вытащил их вчера вечером из шляпы, собирался угостить А-ма, но Мэймэй успел первым. Улитка неторопливо ползла в том направлении.

Для Нань Чжэна понятие «странно» давно утратило прежний смысл. Когда твоя лягушка из мобильной игры обретает душу и сама выпрыгивает в реальный мир — это уже задаёт определённую планку. На этом фоне улитка, которая стучится в дверь ранним утром, воспринималась почти как норма.

— Пока не ходи туда, — сказал он.

Сяо Люй улыбнулся во всю лягушачью пасть и послушно кивнул.

— Хорошо~

Нань Чжэн несколько секунд смотрел на эту улыбающуюся физиономию — и всё-таки не удержался: потрепал лягушонка по макушке.

Сяо Люй ощутил, как счастье заполняет его до краёв.

Мэймэй на тумбочке тоже был абсолютно счастлив.

Мняю~ Маньтоу из горячих источников... как же вкусно~~

Дворецкий Фан давно заметил: вкусы молодого господина в последнее время становились всё

более... непостижимыми.

— Молодой господин, вы же говорили, что он сбежал?

Нань Чжэн спускался по лестнице размашистым шагом, держа в слегка сложенной ладони ярко-зелёную лягушку. Та сидела прямо и смиренно — как живая статуэтка, если бы не то, что время от времени моргала.

Дворецкий Фан с непроницаемым лицом следил за тем, как молодой господин — невозмутимый, элегантный даже с земноводным в руке — неторопливо движется к столу.

Фан потянул стул, собрался дать знак подавать завтрак, уже начал мысленно прикидывать, чем сегодня кормить зелёного гостя — и тут взгляд его упал на то, что Нань Чжэн держал в другой руке.

Улитка.

Улитка.

— Поставь ей блюдце молока, — бросил Нань Чжэн, водружая улитку на стул в полуметре от себя.

Больше не удостоил её ни единым взглядом. Зато Сяо Люя бережно пересадил на стол прямо перед собой, выудил из кармана льняную салфетку и аккуратно повязал ему на шею.

Дворецкий Фан: —.....

Вот это разница в обращении.

Стоп.

Зачем он вообще об этом думает?! Главное — молодой господин сначала завёл лягушку, а теперь и улитку. Это нормально — разводить такую живность? А улитки вообще пьют молоко?

Дворецкий Фан молча страдал.

<http://bllate.org/book/17499/1711898>